

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Апрель 1469 года

*На борту корабля неподалеку от английского порта
Кале*

Изабелла стонала. Корабль тяжело вздыхал и трещал. Он кренился и содрогался всем корпусом, а мощные удары волн ежесекундно грозили разнести его на части, навеки повергнув в морские глубины. Прижав ладони ко рту, Изабелла не сводила глаз с окруживших нас подобно стенкам гроба колышущихся деревянных стен каюты.

— Что с тобой?

Я понимала, что застывшее выражение ее лица объясняется вовсе не страхом перед гибелью в пучине. Я знала, в чем дело, но не хотела с этим смириться. Корабль снова взлетел на гребень волны, закачался и ухнул вниз. Мой лоб покрылся испариной. Тошнота скрутила все мои внутренности в тугий узел, но от ужаса я тут же забыла о ней.

— Изабелла.

Я ткнула ее локтем, пытаясь привлечь ее внимание. Она сидела в кресле с высокой спинкой, единственном кресле в каюте, любезно предоставленном ей капитаном. Все ее тело напряглось и застыло. Она зажмурилась, пытаясь таким образом защититься от безумной качки и ее последствий. Пальцы, стиснувшие подлокотники, побелели и напоминали лапы хищной птицы. Я пододвинулась ближе вместе со своим табуретом.

— Изабелла, это ребенок?

— Да, — выдохнула она, а затем: — Нет, нет, просто заколело что-то. — Она сделала глубокий вдох и немного расслабилась, разжав пальцы. — Прошло. Наверное, я ошиблась.

А что, если не ошиблась? Я настороженно наблюдала за ее измученным мертвенно-бледным лицом и тем, как она пытается устроиться удобнее на узком и жестком сиденье. В этой тесной каюте с низким потолком было так жарко и душно, что по моей спине ползли ручейки пота, но Изабелла, как будто ей было холодно, куталась в накидку, с трудом сходящуюся на ее огромном животе. Подходил к концу девятый месяц беременности моей сестры Изабеллы, и даже я понимала, что ей не место на углу суденышке посреди бушующего моря.

Я встала, чтобы налить в кружку эля. Пол ходил ходуном, и мне с трудом удалось удержаться на ногах.

— Выпей.

Изабелла понюхала напиток с таким видом, как будто знакомый запах солода и хмеля вызывал у нее отвращение. Впрочем, так и было с тех пор, как она забеременела.

— Я не хочу эля. Я хочу вина.

Но я сунула кружку ей в руки.

— Ничего больше нет. Пей, не спорь.

«Нашла время капризничать!» — хотелось воскликнуть мне. Я с трудом сдерживалась, чтобы не выпить залпом содержимое кружки, предоставив сестре мучиться от жажды.

— Эль поможет твоим мышцам расслабиться, — вместо этого произнесла я.

— Да, и мочевому пузырю. Ребенок так сильно на него давит. — Еще одна гримаса, еще один стон, и она осторожно надпила из кружки. — О Господи! Поскорее бы уже он родился.

Терпение никогда не входило в перечень достоинств Изабеллы.

— Только не здесь! — От ужаса у меня внутри все перевернулось. — Скоро мы сойдем на берег. Мы уже целую вечность на море. Вот когда будем в Кале, тогда и попросим Господа о помощи.

— Вряд ли я дотерплю до берега... — произнесла Изабелла капризно и застонала.

Выпавшая из ее пальцев кружка покатилась по полу. Сквозь стиснутые зубы Изабелла с шумом втянула в себя воздух, обхватив руками похожий на гору живот.

— Когда мы сойдем на берег в Кале...

Я снова пододвинула к ней табурет и пыталась сообразить, что мне ей сказать... Все, что угодно, лишь бы отвлечь ее от боли.

— Когда мы сойдем на берег в Кале, ноги моей больше не будет на корабле! — крикнула Изабелла. — И как бы... — Фраза оборвалась, перейдя в стон, а затем в нечто похожее на вой. — Ребенок... Это, наверное, ребенок... Где мама? Она должна быть здесь, рядом со мной... Пусть Марджери ее позовет...

— Нет. Я скажу Марджери, чтобы она посидела с тобой. А я разыщу графиню.

О, какое счастье вырваться из этой убогой каюты! Какое счастье передать заботу о рвущемся в мир ребенку в другие, более умелые руки, несравненно более опытные, чем мои. В четырнадцать лет я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что должно произойти, но слишком юной, чтобы взять на себя ответственность за это событие. Наверное, я всегда была эгоисткой. Я позвала Марджери, служанку графини, и велела ей присмотреть за Изабеллой. А сама сбежала.

Я обнаружила маму на палубе, именно там, где и ожидала ее увидеть — рядом с отцом. Несмотря на холод и шквалистый ветер, графиня Уорик, с головы до ног укутанная в плотную накидку с капюшоном, скрывающим даже ее лицо, стояла на корме. На лице графа читалась тревога. Все его планы рухнули, а впереди ожидала неизвестность. Его лежащая на планшуре рука была стиснута в кулак, который он время от времени разжимал лишь для того, чтобы вновь сжать. Мои родители склонились друг к другу и что-то сосредоточенно обсуждали, глядя вдаль, туда, где мы должны были вскоре увидеть землю. Но пока что горизонт, как и все вокруг, скрывали тяжелые облака, зеленовато-серым покрывалом опустившиеся на море и на наш корабль. Граф и графиня с головой ушли в свои заботы и не услышали моих шагов. Они не обернулись при моем приближении, что дало мне возможность подслушать их разговор. А подслушивать я умела. Домашние, включая слуг, часто не принимали в расчет присутствие младшей дочери, считая меня то ли младенцем, то ли душой. Они ошибались. Стараясь ступать неслышно, я подошла еще ближе.

— Что, если он не позволит нам войти в гавань? — услышала я вопрос графини.

— Нам он не откажет. Лорд Уэнлок — преданный друг. Мы можем рассчитывать на его помощь.

— Мне бы твою уверенность.

— А мне больше ничего не остается. Я должен в него верить.

В голосе графа прозвучала ничем не оправданная, с моей точки зрения, убежденность. Я заметила, что за последние дни у его рта и носа залегли глубокие морщины, свидетельствующие о сильном внутреннем напряжении. Но чтобы успокоить графиню и передать ей часть своей веры в лучшее, он ласково обнял ее за плечи.

— В Кале мы будем в безопасности. Там мы сможем организовать свое возвращение во главе армии, достаточно сильной, чтобы свергнуть короля...

Больше я ничего не услышала, потому что палуба резко накренилась, а я зашаталась и чуть не упала, пытаясь удержаться на ногах. Родители обернулись. Мама быстро подошла ко мне и схватила за руку, как будто предчувствуя очередную плохую новость.

— Анна, что ты делаешь наверху? Здесь небезопасно... Что-то с Изабеллой?

В последние дни все наши мысли и тревоги были о моей сестре.

— Да. Она говорит, что у нее начинаются роды.

Что толку приукрашивать скверные вести?

Мама прикусила нижнюю губу, а ее пальцы еще сильнее впились в мою руку. Она обернулась к отцу.

— Мы не должны были выходить в море. Я тебя предупреждала. Мы знали, что Изабелла вот-вот родит.

И она ринулась в сторону каюты, увлекая меня за собой, спеша поскорее оказаться рядом с дочерью. Отец остановил ее, быстро подняв руку:

— Чтобы успокоить Изабеллу, передай ей, что через час мы увидим Кале. А если облака рассеются, то еще раньше. И тогда мы сможем переправить ее на берег. Природу этим не остановишь, но, быть может, ей станет легче. — Он попытался улыбнуться, но в его глазах застыл страх. — И вообще, по-моему, обычно первенцы не спешат наружу.

— А вот тут ты ошибаешься. — На этот раз мама отвергла его поддержку. — Мы не имели права подвергать нашу дочь таким испытаниям.

Возле нас выросла высокая фигура в такой же, как и у моих родителей, накидке.

— Что стряслось? Скоро берег?

Фигура откинула капюшон, открывая лицо с точеными чертами, обрамленное золотистыми локонами. Джордж, герцог Кларенс, брат короля Эдуарда, один из претендентов на английский трон. Меньше года назад моя сестра вышла за него замуж. В окружающем нас тумане его синие глаза и светлые волосы сияли особенно ярко. «Какой красавец! — любила повторять моя сестра, радуясь своему везению. — Мечта любой девушки».

Я его ненавидела!

— Нет. Изабелла в опасности, — ответила я, едва удостоив его взглядом.

Графиня отчитывает меня за грубость, но что бы она ни сказала, это не заставит меня примириться с зятем. Хотя ему до моего презрения не было никакого дела. Он крайне редко удостоивал меня своим вниманием.

— Она больна?

Графиня опередила меня, предвидя очередной резкий ответ.

— Она испугана. Начинаются роды...

Кларенс нахмурил брови.

— Жаль, что нам не удалось сойти на берег раньше. Надеюсь, ребенку ничто не угрожает.

Я почувствовала, что мои губы исказила злобная гримаса, но не предприняла даже попытки скрыть это от окружающих, несмотря на то, что мама заметила это и недовольно на меня покосилась. Она считала, что моя враждебность объясняется ревностью младшей сестры, завидующей удаче старшей. Он не спросил: «Угрожает ли что-нибудь моей жене?» или «Чем мы можем ей помочь?» Подумать только! «Надеюсь, ребенку ничто не угрожает!» Я ненавидела его всей душой. Просто непостижимо, что Ричард, мой милый и такой далекий Ричард, может приходиться братом этому самонадеянному принцу.

Графиня отмахнулась от неуместного заявления Кларенса, но для меня у нее нашлась ободряющая и ласковая улыбка.

— Не переживай, Анна. Изабелла молодая и крепкая. Как только ребенок увидит свет, она тут же забудет о своих страданиях.

— Ребенка надо спасти! Любой ценой.

Лицо Кларенса утратило всю свою привлекательность.

— Я учту ваши пожелания, ваша светлость. Но прежде всего я должна позаботиться о дочери, — спеша прочь, отрезала графиня.

Наслаждаясь этой отповедью, я тоже отвернулась от герцога Кларенса и устремила за мамой.

Когда я вбежала в каюту, графиня уже взяла ситуацию под контроль. Сбросив накидку на табурет, она отстранила Марджери от Изабеллы и не допускающим возражений тоном засыпала последнюю советами вперемежку со словами утешения. В нашем северном родовом гнезде Миддлхэм, где я провела детство, за мамой, несмотря на ее высокое происхождение, закрепились репутация человека, весьма сведущего в вопросах деторождения. Меня терзали опасения, что сегодня вечером ей может понадобиться весь ее опыт и умения.

В одном мама была права. Учитывая положение Изабеллы и близость родов, мы не должны были пускаться в плавание. Хотя выбора у нас, собственно, не было. Нам в затылок дышали король и вся его армия. Они жаждали крови. Катастрофическое невезение, скверная погода и прославленная хитрость венценосного Йорка обрекли нас на скитания по непредсказуемому апрельскому морю на этом хлипком суденышке. Вот так мы и оказались в этой темной душной каюте корабля, который несло по угрюмым волнам. Вопли Изабеллы отражались от грубых деревянных стен, и я с трудом удерживалась от того, чтобы не закрыть уши руками. Но даже строгий мамин взгляд не помешал мне проникнуться глубоким отвращением к самой идее материнства.

От двери донесся стук. Кто-то колотил в нее кулаком.

— Кто там? — крикнула графиня, не сводя глаз с раскрасневшегося лица Изабеллы.